

Поль Бенуа

Колодезь Иакова

Бенуа П.

Колодезь Иакова / П. Бенуа —

В книгу вошли романы Эли Берте «Потерянная долина», «Птица пустыни» и Поля Бенуа «Колодезь Иакова»....В Галате, южном предместье Константинополя и одном из самых жалких «гетто» Европы, около 1896 года родилась девочка по имени Агарь Мозес. Из семи детей в семье она была самой младшей. В тот же год она потеряла своего отца. В дни избиения армян он неосторожно приблизился к валявшимся на улице трупам. Ружейный выстрел уложил его рядом с другими изуродованными телами...

Содержание

I	5
II	11
III	18
IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Поль Бенуа Колодезь Иакова

I

В Галате, южном предместье Константинополя и одном из самых жалких «гетто» Европы, около 1896 года родилась девочка по имени Агарь Мозес.

Из семи детей в семье она была самой младшей.

В тот же год она потеряла своего отца.

В дни избиения армян он неосторожно приблизился к валявшимся на улице трупам. Ружейный выстрел уложил его рядом с другими изуродованными телами.

Четверо старших детей кое-как устроились сами.

Матери же и трем остальным пришла на помощь бедная еврейская община Галаты.

Агарь и старшая ее сестра Сарра посещали греческую школу Фанары.

Вскоре Сарра умерла от одной из многочисленных, совершенно не исследованных восточных эпидемий, и в школу Агарь продолжала ходить одна.

Там она почувствовала, что девочки, среди которых она росла, несмотря на всю их бедность и обездоленность, почему-то смотрели на нее как на существо, покрытое позором.

Не зная еще печальной судьбы своего несчастного народа, она легко могла себе ее представить.

Вся горечь ранних обид, естественно, отразилась на ее душе.

Умерла непосредственность, помутнела душевная ясность, завял нежный цветок. Но в то же время горькая и неистовая страсть к радостям земным исходила от этого одетого в рубище ребенка, бесшумно семенящего вечерами в дождь и снег вдоль по Золотому Рогу и глядевшего в мутную хлюпающую воду.

О, угрюмые зимы константинопольские! Ужас невыразимой восточной грязи, когда ветер с Черного моря треплет, как лохмотья, лачуги стамбульских бедняков.

О, мрачная, темная нищета, ясно выступающая даже в слабом свете изредка пронизывающей ночь молнии!

В одной из тех еврейских семей, куда ее изредка приглашали встречать субботу, маленькая Агарь, глядя на лежавший перед ней футляр для Торы из лилового, отороченного золотой бахромой, куска шелка, принималась сладостно грезить.

Она не замечала на нем ни дыр, ни пятен.

Как-то раз она осмелилась дотронуться до него.

От прикосновения к шелку она побледнела.

Когда-нибудь одеться в такую же прекрасную материю, как эта, которой покрывали священную книгу!

Она ни с кем не поделилась этой кощунственной мыслью не потому, что боялась быть побитой: она страшилась насмешки.

Без всякого напряжения она заняла первое место в своем классе. Но ее никто не поздравил с этим.

Учительница если и выделяла ее, то лишь для того, чтобы пристыдить других детей, позволивших нищенке и отверженной обогнать себя.

Первая в классе! Чистописание, чтение, арифметика и чуть-чуть священной истории.

Последняя была страстью Агари.

Она никак не могла понять, почему ее происхождение позорно.

О ее народе говорилось в самых древних летописях, в школе их подробно изучали, в то время как на историю родины ее одноклассниц почти не обращалось никакого внимания.

Этим способом, по ее мнению, легче всего было проникнуть в тот чудесный мир, где сверкала парча Эсфири и ласкал бархат Торы.

Ей удалось поступить в услужение к портнихе квартала Туннель. Там было полдюжины работниц.

Агарь, как самая младшая, была на побегушках.

Ночью она так же, как и в прачечной, караулила, лежа на досках между двумя дверьми. Когда все уходило и в доме наступала тишина, она вставала и снова бралась за дорогую ей иглу.

Из старой газеты она вырезала патронки воображаемых роскошных моделей.

Раз или два в месяц она, объятая страхом, поддавалась на уговоры товарок, по всей вероятности, уже весьма искушенных, и уходила с ними. Как-то, возвращаясь вечером одна домой, она попала в драку. Ее схватили, и тут ей впервые пришлось столкнуться с каракалом – турецкой полицией.

Помощник комиссара, весьма наглый молодой человек, недолго с ней церемонился.

Никакой выкуп не казался Агари дороже вновь обретенной свободы.

К тому же, разве могла она ставить свои условия и спорить, как равная, с этим то грозным, то любезным господином?

Покинув полицию ночью, под проливным дождем, разбитая, объятая тупой горечью, она, шатаясь, еле добралась до своей постели и до самой зари, когда первые солнечные лучи заиграли на серых стеклах, утешала себя, лаская свои дорогие лоскутья.

Спустя несколько дней ей довелось относить вечернее платье в «Пера-Палас». Хозяйка наказала ей быть очень вежливой, но заказ отдать только по получении тридцати пяти лир. Заказчица была певицей, пользовавшейся завидным успехом в одном из кабаре на площади Таксиль.

С картонкой в руке Агарь вошла в вестибюль гостиницы и остановилась, ослепленная и зачарованная роскошью, позолотой, зеленеющими растениями, погруженными в кожаные кресла величественными старцами и спесивыми молодыми людьми, которые, забравшись на высокие сиденья, тянули из соломинок напитки цветов более прекрасных, чем облачавший Тору бархат.

В тот же миг она почувствовала, что ее грубо схватили за руку: швейцар объяснил ей, что имеется специальный вход для служащих.

Отдав платье горничной, она стала ждать, стоя на площадке, рядом с полуоткрытой картонкой.

Вскоре горничная снова появилась:

– Барыня хочет говорить с тобой.

Агарь как вошла, так и встала, точно пригвожденная к порогу. Платье со всей силой было ей брошено прямо в лицо.

– И это ты осмелилась мне принести? Твоей хозяйке не стыдно было послать мне такую работу? Убери сейчас же этот ужас, да поживей!

Но девочка не смутилась. Быстрым взглядом окинула она платье и тут же заметила все выведшие певицу из себя недостатки.

– Барыня права, – как можно более спокойно произнесла она. – Но невелика беда. Если барыня позволит, я живо все поправлю...

Спокойствие и скромность Агари подействовали на молодую женщину. Она быстро смягчилась.

– Как ты все это исправишь? Сколько же тебе лет? Четырнадцать?

– Пятнадцать, барыня.

– Как тебя зовут?

– Агарь Мозес.

– А, Агарь Мозес. А знаешь, как меня зовут?

– Да, барыня. Лина де Марвиль.

– Это мой псевдоним. Зовут же меня Рашель Бернгейм. Понимаешь?

Тут только Агарь осмелилась осмотреть комнату, в которой стояла.

Такой роскоши она не могла себе вообразить. Тысячи разбросанных повсюду кричащих безделушек, таинственные принадлежности туалета, платья и кружева, заполнившие сундуки и покрывшие ковры и кресла, маленькие вышитые подушки и, наконец, постель с ниспадающими на землю простынями, обнажавшими тело Лины де Марвиль, просвечивающееся сквозь тонкий шелк рубашки...

Спазм сжал горло ребенка. Было столько восторженной муки в ее глазах, что певица почувствовала себя и польщенной и тронутой.

– Если ты считаешь себя достаточно ловкой, попробуй мне это исправить. Все же будет лучше. Сядь у окна, там светлее. Все нужное для шитья ты найдешь там, на столике, в коробке из-под конфет.

Агарь села за работу. К счастью, беда была не такой уж непоправимой: переставить несколько крючков, убрать складку, чуть поднять пояс...

Лина де Марвиль с нежностью глядела на нее.

– Да знаешь ли ты, что у тебя руки волшебницы?

Агарь лихорадочно продолжала работу.

– Да посмотри же на меня. Вот смешной ребенок! Ты завтракала?

Вошла горничная, неся поднос, уставленный пирожными, маслом, вареньем и тонким фарфором.

– Спасибо, я завтракала.

– Все же ты выпьешь чашку шоколада.

– Может быть, вы сначала примерите платье?

– Однако, какая ты добросовестная! Ничего не хочешь брать, пока не кончишь работу.

Ну, давай... Гм! Есть еще несколько недостатков. Все же я его беру. Но знай, только из-за тебя. Скажи своей хозяйке, что ей повезло. Сколько ты у нее зарабатываешь?

– Пятнадцать пиастров в день.

– Бедняжка! Какая эксплуатация! Скажи, у тебя нет лучшего платья, чем то, что на тебе надето?

Агарь покачала головой.

– Открой-ка шкаф. Сними все с третьей вешалки и принеси мне сюда на постель. Вот костюм, который я на прошлой неделе отдавала в чистку. Они мне его сузили, да так, что я его больше не могу носить. Ты же много тоньше меня. Я думаю, он будет тебе впору. Впрочем, мы сейчас это увидим. Теперь твой черед примерять.

Она смеялась, восхищенная своей выдумкой.

– Да чего же ты ждешь? Раздевайся.

Агарь, более бледная, чем обыкновенно, не двигалась, крепко сжав губы. Певица поняла.

– Бедная девочка, – прошептала она.

И со свойственным многим куртизанкам тактом и уважением к чистоте другого замолчала.

– В чем ты принесла мое платье?

– В картонке, барыня.

– Где же она?

– На площадке.

– Принеси ее.

Перерыв все шкафы и сундуки, Лина де Марвиль вытащила маленькую фетровую шляпку, туфли, немного белья и платье. Все это она сунула в картонку и сверху положила серый костюм.

– Мне бы очень хотелось, – сказала она, – видеть, как он тебе идет. Но лучше, если твои товарки ничего об этом не узнают. Они, чего доброго, из зависти напакостят тебе. Я знаю женщин. Ты живешь у своих родителей?

– У меня их нет.

– Где же ты обитаешь?

– В мастерской.

– Вечером, после обеда, ты свободна?

– Да.

– Тогда приходи сегодня к Максиму, в тот театр, где я пою. Я выступаю около одиннадцати часов. Приди не позже десяти. Негр капельдинер укажет тебе мою уборную. Ты сможешь мне одеться, а я в это время посмотрю, как на тебе сидит костюм. Знаешь ли ты, как ты красива? Да подойди же ко мне.

Агарь, бледная как смерть, повиновалась. Молодая женщина усадила ее рядом с собой на постель. Прикосновение теплого душистого тела кружило голову.

Агарь закрыла глаза.

– Ты причесана Бог знает как. Возьми этот вот флакон и вечером натри себе голову, а потом причешешься вот так. – Она сплела в косы волосы Агари, такие черные, что отливали синевой, и тяжелым узлом уложила их на затылке. – Так гораздо лучше. Увидишь, как будет хорошо, когда они сделаются мягкими и волнистыми. Вот моя карточка. Уборная, не забудь. Да что с тобой?

– Барыня, а деньги за платье?...

– Верно, я чуть было не забыла. Я положу их в конверт. Тридцать пять лир, не правда ли? А эта лира для тебя. Возьми извозчика, чтобы не таскать картонку по грязи. Опять идет дождь. Какая, однако, грязная страна!

Агарь ушла. До самой мастерской она бежала, не переводя дыхания. Тайком проникла она в свою каморку, связала все полученные вещи в узелок и спрятала его за нагроможденными в углу сундуками.

Потом с пустой картонкой на руке вошла в мастерскую, где работали ее товарки.

– В следующий раз будь порасторопнее, – сказала хозяйка. – Есть у тебя деньги?

Агарь протянула ей конверт.

Остаток дня она провела в страшном волнении, изо всех сил стараясь скрыть его от товарок.

Оставшись одна, она не стала даже есть, решив как можно больше времени уделить своему туалету. К тому же серый костюм, несомненно, нужно было подогнать по фигуре. Оделась она с лихорадочным усердием. Но ужасное разочарование ждало ее. Она совсем забыла, что жившая этажом выше хозяйка заперла примерочную и взяла с собой ключ.

Там находилось единственное в мастерской зеркало. Агарь не могла даже полюбоваться на свои наряды.

На дворе все еще шел дождь. Агарь сделала знак проезжавшему извозчику... Это решительно был день великих событий.

– Площадь Таксиль, – приказала она дрожащим голосом.

Когда она подъехала к театру, ей показалось, что она не осмелится в него войти. К счастью, поблизости находился капельдинер, который тут же провел ее в уборную № 11.

Посреди цветных открыток, краски, пудры и духов, сверкая нарядами, сидела Лина де Марвиль.

При виде Агари она воскликнула с удивлением:

– Да поглядите, Наталия! Просто даже не верится. Я говорила вам, что она хороша. Но настолько!

Она обращалась к полной, очень сильно декольтированной женщине, шея, пальцы и толстые руки которой совершенно исчезали под невообразимым количеством украшений.

– Мой старый друг, Наталия Лазареско, – тотчас представила ее Лина де Марвиль, никогда не забывавшая о светских приличиях. – Ты мне принесла счастье, малютка: через неделю я еду в Каир, где золото на меня посыплется, как из рога изобилия. Если когда-нибудь ты будешь в затруднении, обращайся прямо к госпоже Лазареско. Не так ли, Наталия, дорогая моя?

Толстая женщина, положив руки на живот, подтвердила, что доброжелательство ее к Агарь Мозес будет неизменным.

Агарь ничего не слышала. Почти не дыша смотрела она на певицу, одетую в роскошное голубое, расшитое серебром платье.

Стоя перед зеркалом, молодая женщина нежно ей улыбалась.

– Ты довольна, моя голубка?

– Очень.

– Чудесно. Мне хочется, чтобы все на свете были довольны. Сейчас ты мне не нужна, одеться мне поможет Наталия. Лучше послушай, как я пою. Наталия, доставь мне удовольствие, пойди с девочкой в зал и займи хорошее место. Угости ее всем, что она пожелает. Когда я кончу, приходите сюда. Я повезу вас к Токатлиану, где Ришди-паша в мою честь дает обед.

– Мне кажется, девочка недостаточно хорошо одета, – заметила Наталия.

– Вот еще! Такая хорошенькая. Хватит с них. Будут Григорий Стамбулиан, полковник Факри-бей, командир Коннор, лейтенант де Жомиех и маленький Гавриил Жеронтопуло, понятно с Мартой и Николеттой... Только свои.

Появление в зале Агари в сопровождении Наталии Лазареско вызвало у публики улыбки и шутки, которых девушка совершенно не заметила.

– Бутылку шампанского, – приказала Наталия. – Ты, верно, еще никогда не пробовала этот напиток.

Агарь выпила бокал. Потом второй. Странные видения, сверкающие и неопределенные, встали у нее перед глазами.

Еле доносился далекий голос Лазареско, однообразный, монотонный.

– Я люблю молодежь. Даже очень. Но только серьезную. Молодые девушки сами не знают, сколько они теряют, будучи легкомысленными. Была у меня подруга, за которую первый секретарь посольства господин Констанс пошел бы в огонь и воду. Сколько раз говорила я этой глупой женщине: «Смотри, не упusti этого господина!» И что же? Она предпочла бежать с актером на вторых ролях из театра Барэ. Ты меня слушаешь?

– Да, сударыня.

– Ты совершенно правильно поступаешь. Лина де Марвиль скажет тебе, давала ли я кому-нибудь плохой совет. Ты поешь?

– Нет, сударыня.

– А голос у тебя есть?

– Не думаю.

– Небольшой голос есть у всякого. Нужно только уметь им пользоваться. Голос можно развить, даже если его совсем нет. Правда, это случается редко, но все же случается. Наконец голос всегда можно заменить танцами. А вот и Лина де Марвиль. Мы еще вернемся к нашему разговору. Лина сегодня решительно хороша. Кто поверит, что я только на три года старше ее, ну на четыре, не больше.

Певица взошла на сцену под бурю аплодисментов, к которым примешивались звучные крики. Успех ее был несомненным. Она дважды пела на бис.

К концу выступления восторг зрителей перешел всякие границы. Старый турок, одетый в редингот, изо всех сил вертел на палке феску. Какие-то итальянцы аплодировали. Группка американских моряков плакала.

– Дорогая Лина, – прошептала госпожа Лазареско, тоже очень взволнованная. – У нее истинный талант. Вот ей несут цветы. Ах, какой букет! Наверно, на двадцать лир. Должно быть, Ришди-паша или же маленький Жеронтопуло... Так или иначе это очень мило.

Она встала:

– Пойдем, пора.

У лестницы, ведущей за кулисы, она сунула карточку в руку Агари.

– Приходи ко мне, дитя мое, приходи как можно раньше, ты об этом не пожалеешь. Я дома ежедневно от трех до пяти... Наталия Лазареско, 18, улица Главани, второй этаж, первая дверь направо.

II

С борта уносившего ее парохода смотрела Агарь на исчезающий в утреннем тумане Константинополь. Город, в котором она родилась и в котором до сих пор жила, только в последний момент показался ей прекрасным.

Вместо клоаки, по которой еще год назад она шлепала в рваных ботинках, перед глазами, точно золотое кружево, вставало волшебное видение.

Она задрожала при мысли о том, что, может быть, всю жизнь только после потери будет познавать цену вещей.

Пароход огибал выложенный белым и черным мрамором старый Сераль. Вскоре от чудесного миража остался один только розоватый туман, в котором растворялась серая дымка стоящих в гавани пароходов.

На юге как-то внезапно выросли Принцессы острова. В воде плескались и кувыркались серебристые дельфины.

Утомленная кружащим голову воздухом, Агарь спустилась в каюту второго класса, где почти никого не было, и стала укладывать кое-как брошенные носильщиками вещи. Было у нее два прекрасных сундука, совсем новый чемодан и очень элегантный дорожный несессер. К каждому сундуку была прикреплена этикетка с четко выведенной надписью «Мадемуазель Жессика, балерина».

Для этой метаморфозы госпоже Лазареско понадобилось всего шесть месяцев.

Немного больше года прошло со дня первой встречи Агари с Линой де Марвиль, уже погрузившейся в тень, где одиноко гаснут падающие звезды.

Еще на том знаменитом ужине почтенная женщина, окончательно побежденная бросаемыми в сторону Агари взглядами и комплиментами присутствующих, взяла с нее обещание прийти к ней на следующий день. Этой девочкой определенно стоило заняться. Метод госпожи Лазареско, который оправдал себя несколькими блестящими удачами, заключался в том, чтобы на воздушные замки не тратить ни времени, ни труда, ни денег. Но, вместо того чтобы попросту пустить по рукам попавшую к ней девушку, она давала ей некоторое артистическое образование, ухитряясь даже распознать, в какой области было больше всего шансов на успех.

Для этого нужен был предварительный денежный вклад. Госпожа Лазареско не колебалась. Все расходы за короткое время покрывались каким-нибудь весьма скромным и серьезным господином. Для Агари такой «шкатулкой» стал Григорий Стамбулиан. Он дал госпоже Лазареско деньги на наряды и на соответствующее образование.

Надежду сделать из Агари певицу пришлось вскоре оставить. У нее был абсолютно не гибкий и маловыразительный голос.

В роли же танцовщицы она могла кое-чего достичь, и весьма быстро. К тому располагало и ее телосложение.

Высокая и худенькая, девушка имела длинные тонкие ноги и чудесную спину, и то сгибаясь, то откидываясь назад в танце, была так выразительна, что при ее бесстрастном лице казалось загадкой.

Через несколько месяцев Агарь танцевала уже сносно, хотя и немного холодно.

В первый раз для пробы она выступила на каком-то благотворительном вечере. Успех был такой, что она тут же могла получить весьма выгодное приглашение на любую в Константинополе сцену. Но опекунша ее этому воспротивилась. Госпожа Лазареско придерживалась того мнения, что никогда не следует выступать в огромном городе, ибо зависть оставшихся позади товарок рано или поздно побудит их откопать факты, часто весьма нежелательные для случайных покровителей.

Покончив с артистическим образованием Агари, тем временем превратившейся в мадемуазель Жессеку, добрая Наталия решила приступить к ее светскому воспитанию, что, по ее представлениям, заключалось в умении извлекать как можно больше выгоды из мужчин.

Почтенная женщина имела на этот счет солидный запас бесспорных и весьма разумных правил: не доверять мужчинам, не придавать никакого значения мужской красоте, действовать всегда с большой осторожностью и т.д. В соответствии с этими правилами Григорий Стамбулиан был удален только тогда, когда нашелся другой, более щедрый покровитель.

С биржевика Галаты кроме денег на образование Агари, с предварительным вычетом в пользу госпожи Лазареско, было взято еще триста лир, тут же помещенных в Османский банк.

Преемник Стамбулиана, граф Кюнерсдорф, уполномоченный финансовой комиссии, очень милый русский молодой человек, через три месяца должен был вернуться к себе на родину.

Он обратился к госпоже Лазареско с просьбой найти ему подругу, которая скрасила бы последние недели его пребывания в Константинополе.

Нельзя было пожаловаться на его щедрость. Но госпожа Лазареско считала, что Агарь извлекла далеко не все из такого прекрасного случая, и решила, что, путешествуя, последняя лучше узнает мужчин и жизнь. К тому же, уже две новые ученицы ждали своей очереди. С Агари взять было больше нечего.

Даже не предупредив ее, госпожа Лазареско от ее имени заключила контракт на два месяца с владельцем большого, открывавшегося в Салониках мюзик-холла.

И на этикетках, привешенных к чудесным сундукам и чемодану (знак особого расположения графа Кюнерсдорфа), она собственноручно сделала надпись.

Моноotonно журчали пенистые зеленоватые, разбивавшиеся о борт струи, тени которых серыми пятнами проходили по белому потолку.

Войдя в каюту, в которой в этот час должна была решиться ее судьба, Агарь уселась на диван. Из правого кармана жакета она вынула подаренный ей графом Кюнерсдорфом вместительный бумажник гаванской кожи и высыпала содержимое на постель: банковские билеты, которые она сложила, прежде чем сосчитать; семьдесят лир; затем чек в восемьсот франков на Османский банк, ибо к тремстам франкам Григория Стамбулиана граф Кюнерсдорф прибавил еще тысячу (из этой суммы пришлось взять деньги на дорогу и на подарок, сделанный накануне отъезда госпоже Лазареско); паспорт с фотографией, где на голове Агари сверкала диадема танцовщицы, и, наконец, контракт с мюзик-холлом в Салониках.

Она знала почти наизусть все восемнадцать параграфов контракта, но тем не менее снова перечитала его – на бумаге слова казались ей совсем другими, чем в памяти.

Условия контракта Агарь приняла с той покорностью, которая, казалось, была основной чертой ее характера.

Являлось ли это следствием ужаса перед возможностью спора, усталости, или было вызвано нежеланием перечить судьбе – неизвестно, но мало кто более нее поддавался чужому влиянию.

Если бы вместо госпожи Лазареско случай свел ее с каким-нибудь спасителем душ, мистическим и бескорыстным, жизнь ее пошла бы совсем иначе, если бы, конечно, в ней не переставала жить жажда непредвиденного и чудесного, так глубоко укоренившаяся в сердцах ее соплеменников.

В главных параграфах контракта говорилось о двух восточных танцах, которые ей нужно было исполнять каждый вечер.

Костюмы, сверкающие диадемы, браслеты и шали заполнили большой из сундуков. Всеми цветами радуги отливали невероятной величины камни. Облаком ложились воздушные, мягкие восточные материи, издавая еле слышные звуки, напоминающие пение цитры.

Белой стопкой лежали собранные и переписанные румынским маэстро ноты.

Таково было оружие Агари. Оно должно было позволить ей под покровом искусства пройти нетронутой по самым грязным дорогам жизни.

Благодаря ему ей, может быть, удастся избежать многих опасностей и не нужно будет так бояться полиции и санитарного осмотра, защищающих самодовольное общество от презренных продавщиц любви.

В остальных параграфах точно обозначались часы прихода и ухода: шесть часов вечера – аперитив, три часа – закрытие. В этих пунктах и заключалась вся грязь. Исчезало искусство, чтобы резче подчеркнуть нечто совсем другое. Вначале Агарь думала, что от нее требовалось только исполнение танцев и что после этого она, по мере возможности, сумеет спать совсем одна.

Госпожа Лазареско жестоко отчитала ее за такое притязание.

– Ты, дитя мое, должно быть, воображаешь себя Напьерковской или Мистингетт? Не думаешь же ты, что заведение может существовать одними только танцами, без вина, шампанского и всего прочего?

Агарь склонилась перед столь глубокомысленными словами и подписала бумагу, обязывающую ее с помощью ее красоты и чар содействовать возможно большему потреблению еды и напитков.

За это ей полагалось две лиры в день, ужин и десять процентов от стоимости откупоренного за ее столом шампанского.

– Глупышка, – заметила ей госпожа Лазареско, – неужели ты не понимаешь, что в этом и заключается вся суть! Одним только шампанским ты можешь зарабатывать пять лир за вечер. Нужно только быть веселой и уметь занимать гостей. Туда ходят не на панихиду.

Тот, кто хочет постичь странную, сказочную роскошь кафеконцертов главных портов восточной части Средиземного моря – Константинополя, Салоник, Александрии и Бейрута, – должен прежде всего вспомнить о тех военных и политических волнениях, которые вот уже пятнадцать лет без перерыва потрясают эту часть Старого Света.

За время войн – италю-турецкой, балканской, греко-турецкой, за время кампаний за Дарданеллы, Македонию, Сирию и Палестину какое бесконечно большое число самых разных людей прошло сквозь его караван-сарай – храмы веселья, легкого и быстрого!

Мадемуазель Жессика как нельзя более своевременно начинала свою карьеру.

Может быть, сама того не сознавая, она пошла по пути, начертанному ей в этих необыкновенных записках.

Из казино «Тур-Бланш» в Салониках она переходит в казино «Бельвю» в Александрии, затем в «Мирамару» в Бейруте и «Маскотте».

В такой игре необъятный беспокойный Восток превращается в маленький город, где встречаешься на каждом углу. Но какое в то же время разнообразие!

Агарь видела парящего над Салониками призрачного цеппелина, слышала канонаду с корвета «Гагид», стрелявшего в сторону греческих островов. Она присутствовала при высадке почти сгнивших раненых Седдиль-Бара и при триумфальном возвращении Заглул-паши, усеявшего Египетское море маленькими украшенными флагами лодками.

Она видела побелевшую бороду Саралья, пустой, безжизненно свисающий рукав Гуро, блеск бинокля Венизелоса и носилки с убитыми французскими моряками.

Она знала сурового маленького генерала в барашковой шапке, который уже звался Энвер-пашой, и большого рыжего полковника, с тогда еще ничего не говорившим именем Мустафа Кемаль-бей.

Она знала, она знала... но какое ей было до всего этого дело!

Проснувшись утром в новом городе, в незнакомой еще накануне комнате, куда жаркие солнечные лучи проникали сквозь закрытые ставни, она часто не могла вспомнить националь-

ность дремавшего рядом с ней в постели, раздавленного усталостью мужчины. Тогда она приподнималась и глядела на разбросанную по креслам и полу форму.

Голубой или цвета хаки китель французского солдата, плоская фуражка офицера Алленби, папаха врагелевского воина, кепка серба, грека, итальянца, фреска турка...

Память возвращалась, и она снова ложилась, соблюдая большую осторожность, чтобы не потревожить краткого покоя спящего, который через несколько мгновений должен был навсегда исчезнуть в царстве войны и смерти.

Был 1911 год, когда она, покинув кров госпожи Лазареско, поехала в Салоники, чтобы в первый раз скрестить оружие.

С тех пор прошло двенадцать лет, двенадцать лет для нее почти однообразных, вопреки всем знаменательным, перевернувшим вселенную событиям. Десять лет гнуснейшего разврата, узаконенного и регулярного, по расписанию, не тронули ее здоровья и красоты.

А о морали кто мог что-нибудь сказать?

Никто не знал Агари, а сама она еще меньше других. Ее детский энтузиазм ушел в самую глубину ее души или умер. Она ни с кем не сблизилась, и никто из тех, с кем сталкивала ее судьба, не имел времени привязаться к этой мечущейся, раздираемой вечной жаждой новых откровений натуре.

Исключением явились только несколько товарок по работе.

Благодаря ее красоте, все еще немного холодной, и доброте, все еще немного сдерживаемой, возникала дружба с женщинами, жаркая и беспокойная, бурная и скорая.

Такой была дружба с Надеждой, зеленоглазой грузинкой, отравившейся кокаином в Константинополе весной 1919 года.

Такой была дружба с Бэби и Кэтой, сестрами-близнецами из Смирны, трагически погибшими: одна была повешена в Бруссе турками, другая расстреляна греками в Афинах за шпионаж. Бедные, жалкие девочки не поняли опасности, скрывавшейся в тех пиастрах и драхмах, которыми им платили за их помощь в борьбе, где они, сами того не зная, действовали одна против другой.

Такой же была дружба с ее единоверкой, темной и прекрасной Тамарой, с которой она прожила шесть месяцев и о которой никогда больше не слышала, так же как и о маленькой французской певице, Королеве Апреля. Последнюю она любила больше всех, может, потому, что дважды спасала ее: первый раз в Бейруте от полиции и второй в Александрии от нужды...

Уехала Королева Апреля как-то сразу, и с тех пор у Агари больше не было друзей.

А жизнь проходила, с ее взлетами и падениями. Периоды благополучия чередовались с лишениями, когда в стоившем сто лир платье и рваных шелковых туфлях приходилось принимать предложение шофера такси или подозрительного бедуина, чтобы заплатить за билет третьего класса для проезда в другой город, где больше возможностей, а иногда и попросту для того, чтобы поесть.

Отвратительные объятия, во время которых неотступно преследует угроза болезни. А затем вдруг ни с того ни с сего, неожиданно, на золотых крыльях возвращается удача, и снова приходит беспечность, радостная и счастливая.

Весна 1923 года застала ее в Александрии в весьма мрачном положении.

От вывезенных ею из Константинополя двадцати тысяч франков осталось всего несколько лир. Все ушло на лечение от гриппа, из-за которого она целый месяц не вставала с постели. Болезнь эта принудила ее разорвать контракт с казино «Бельвю».

Напрасно обращалась она к директорам различных мюзик-холлов, каждый раз уменьшая свои притязания.

Все контракты до конца сезона уже были подписаны.

Подходило лето, нужно было сшить пару платьев, а средств не было.

Она уже знала такого рода неудачи, но всегда вовремя приходило спасение. Она даже не слишком беспокоилась, но должна была себе признаться, что никогда еще будущее не рисовалось ей в таких мрачных тонах.

Как-то раз она завтракала на набережной в маленьком ресторане, посещаемом актерами греческих трупп. Вернувшись в свою комнату, находившуюся на третьем этаже одной из гостиниц бульвара Рамлей, она нашла под дверью письмо.

Сампиетри просил ее немедленно зайти к нему в бюро.

Сампиетри – импрессарио, мальтиец, уже несколько раз предлагал ей ангажемент, но она всегда была занята.

Она заходила к нему накануне, но именно тогда, когда она в нем нуждалась, он заявил, что ничего не может ей предложить.

Письмо это, однако, было хорошим знаком...

– У меня есть кое-что для тебя, малютка! – закричал он, увидев ее на пороге.

– Здесь?

– Нет, милая. В Александрии переполнены даже самые маленькие заведения, ты сама это хорошо знаешь. В другом месте. Ты же не боишься путешествий?

– Куда нужно ехать?

– В Каиффу.

Она посмотрела на него с удивлением и разочарованием.

– Ты не знаешь, где находится Каиффа?

– Знаю, – произнесла она. – Я проезжала мимо, когда ехала из Бейрута. Пароход стоял там два часа. Но я не спустилась на берег.

Она чуть надула губы:

– Место маленькое и малопривлекательное!

– Город только что начал обстраиваться, – сказал Сампиетри. – Именно в таких местах больше всего перспектив.

Он объяснил ей, что в Каиффе было всего одно европейское кафе. По мере того как город становился все оживленнее благодаря приезду значительного числа англичан и евреев, владелец кафе, его лучший друг, решил ввести в своем заведении программу. У него уже был оркестр, и он просил прислать ему артистов.

– Начинает он очень осторожно; на первое время ему нужна только певица или танцовщица. Впоследствии, если дело пойдет, пригласит еще других. Но, конечно, первая, если она только сумеет себя как следует поставить, займет привилегированное положение, будет помогать при выборе программы, при назначении артистов... Нечто вроде артистической дирекции, а?

– А какой оклад?

– Для начала египетская лира в день, ужин и десять процентов с вина. Идет?

– Идет. Но только на месяц, а за это время ты постарайся найти мне что-нибудь в Александрии, ибо там, верно, мало хорошего.

– Обещаю, Жессика. Я должен телеграфировать, какого числа ты приедешь.

– Как мне ехать в Каиффу?

– Ты сядешь здесь в четыре часа на поезд. Ночью в Кантаре у тебя пересадка, из-за канала, и на следующее утро в девять часов ты в Каиффе. Кстати, не забудь, что в Палестине поезда по воскресеньям не ходят.

– Сегодня пятница. Телеграфируй, что я прибуду во вторник утром. Да чтоб прислали денег на дорогу.

– Хорошо.

В назначенный день Агарь сошла на перрон вокзала в Каиффе. От прекрасных сундуков графа Кюнерсдорфа остался только один, потрепанный и обшарпанный. Другой был заменен длинной тростниковой корзиной в сером чехле.

Оставив вещи на хранение, она наняла извозчика и отправилась на поиски кафе.

Первое впечатление от ее нового местопребывания было ужасным. Шел дождь. Пыль и глина смешались и превратились в липкую грязь. Ни намек на восточное гостеприимство и радушие. Несколько попадавшихся навстречу мусульман, казалось, были приезжими.

Ни одной драки между живописными уличными мальчишками. Тишина. На юге, меж темных туч, слабо вырисовывается что-то огромное, лысое и желтое: гора Кармель.

Мимо извозчика прошли какие-то, одетые как рабочие еврейских пригородов, люди, украдкой бросив на него беспокойный взгляд. Агари стало не по себе. Она решила, что это ее единоверцы.

Вскоре на берегу моря показалось кафе.

Оно состояло из круглой залы, выходившей на террасу, которая, благодаря сваям, возвышалась над водой. В хорошую погоду, при ясном небе, вид, должно быть, был очень красивый.

Хозяин, господин Дивизио, бодрый, чуть поседевший мужчина, несколько раз поклонился Агари. Он очень взволновался оттого, что эта элегантная молодая женщина впредь зависела от его заведения.

– Я посмотрел по вашей просьбе две или три комнаты, совсем близко отсюда. Вы можете выбрать ту, которая вам больше по вкусу.

– Спасибо, – сказала она. – Когда мы начинаем?

– Сегодня, если вы ничего не имеете против. Я по всему городу расклеил афиши. Думаю, что будет много народу. Впрочем, вы увидите.

– Мне бы нужно порепетировать.

– Отлично. Я назначил на три часа Леопольду Грюнбергу, дирижеру моего оркестра.

Когда в три часа Агарь вернулась, Леопольд Грюнберг, высокий хилый блондин, уже ждал ее.

Рояль заменял ему весь оркестр, которым он должен был дирижировать.

Он о чем-то спорил с Дивизио.

– Пароход придет не раньше, чем через двенадцать дней. У вас ровно две недели, чтобы найти мне заместителя.

– Вы покидаете Каиффу? – спросила Агарь.

Вздых облегчения вырвался из его груди.

Нет ничего более грустного, чем тотчас же по приезде на новое место встретить человека, радующегося своему отъезду оттуда.

– Вы еврей? – робко произнесла Агарь.

– Конечно. Иначе меня бы здесь не было.

– Я тоже, – пробормотала она.

– А! Очарован! Да, но вы с вашим ремеслом не рискуете попасть в эту ловушку.

– Какую ловушку?

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Сионизм.

– Ах, так вы, значит, приехали из Европы, чтобы тут поселиться.

– Нас попросту высадили здесь. Чудесная страна. Целые горы золотых обещаний. А когда помотришь на все это! Как-нибудь при случае вы проедете в глубь страны. Вы сами увидите... Камни, одни только камни. Я шесть месяцев пробыл здесь. С меня хватит. Я уезжаю. И не только я. Вам, наверно, это известно.

Он был счастлив, что мог хоть кому-то излить переполнявшую его сердце горечь.

– Если бы еще правильно распределяли на работу! Я, например, был медиком в Бонне. Этим можно было воспользоваться. А меня отправили дробить камни между Дженином и Наплузой! Прекрасна, клянусь вам, земля наших предков. К счастью, я американский подданный. Иначе мне бы не получить разрешения на выезд. Колонистов приезжает все меньше и меньше. Потому их стараются не выпускать.

Агарь молчала. Она не любила говорить о том, чего не знала. Ей было очень грустно слышать, что земля, которую она в детстве представляла себе в таких радужных тонах, была голым полем, усеянным одними только камнями.

Леопольд Грюнберг вдруг стал кашлять.

– Вы думаете надолго здесь остаться? – спросил он.

– Не менее месяца. Если мне тут понравится, я останусь и дольше.

Он пожал плечами и разразился смехом, который снова перешел в кашель.

– Ну уж на этот счет я спокоен, – сказал он.

Вечером, к выступлению мадемуазель Жессики, собралась, правда, не очень отборная, но зато многочисленная публика, своими «браво» показавшая, как она ценит такого рода искусство.

Агарь, однако, танцевала гораздо хуже, чем обычно.

Вначале она винила в этом Леопольда Грюнберга, который аккомпанировал еще более нескладно и нервно, чем днем.

Во время исполнения второго танца она нашла этому другое объяснение.

В углу, один за столом, сидел маленький человек, нечто вроде кривоногого карлика, с лицом, спрятанным за огромными черными очками.

Странное беспокойство охватило ее при виде все время направленных в ее сторону темных, непроницаемых стекол.

III

Понемногу туман рассеялся, и над морем загорелись тысячи звезд.

Успех первого вечера превзошел все ожидания. Не хватало шампанского.

Дивизио велел оставить одну бутылку и около трех часов утра, после отъезда последнего гостя, пригласил Агарь и Леопольда Грюнберга выпить ее.

– Дети мои, – сказал он, – позвольте мне от души вас поблагодарить. Вы, мадемуазель Жессика, были просто восхитительны. Какое тело, какая грация, какие костюмы! Мои посетители не могли от вас оторваться. Увидите, какую они вам сделают рекламу. Каиффа не такой уж неприятный город, когда его ближе узнаешь. Что же до вас, дорогой Леопольд... Какое горе, что вы уезжаете!

– Вы слишком добры, Дивизио, – ответил последний. – Тем более мне неприятно сообщить вам еще одну новость. Сегодня днем я дал вам двенадцать дней срока, чтобы найти мне заместителя. Мне придется сократить это время. Я еду через неделю. «Тексас», пароход, на котором я еду, прибывает завтра утром, ровно на неделю раньше назначенного срока.

– Вот так не везет, – сказал Дивизио и добавил: – Я уже подозревал кое-что в этом роде, когда вечером увидел, что с вами говорит Кохбас. Он никогда раньше не приходил сюда.

– Он действительно сообщил мне о прибытии парохода. «Тексас» везет несколько новых колонистов. Исаак Кохбас примет их. Одновременно он попробовал сделать еще одну попытку удержать меня.

– Что же вы ему ответили?

– Можете себе представить!

– Кохбас? – спросила Агарь. – Не тот ли это маленький сутулый человек в больших черных очках, который сидел вон за тем столом во время концерта?

– Он самый, – ответил Леопольд.

– Кто он такой?

– Человек, имеющий большое влияние на дела Палестины.

– Что же он делает?

– Да кучу всяких вещей. Официально он начальник колонии «Колодезь Иакова», самой Наплузы, откуда я, слава Богу, сбежал. Он следит также за работой переселенцев. Вообще, повсюду сует свой нос, и, говорят, что верховный комиссар, сэр Герберт Самюэль, часто сам принимает его точку зрения, чтобы избежать его назойливых советов. Если бы всем сионистам пришлось покинуть Палестину, он был бы последним. Это настоящий фанатик нового дела.

– Он действительно такой могущественный? – почесывая голову, спросил Дивизио.

– Раз я вам говорю! А в чем дело?

– Боюсь, чтобы он не наделал мне неприятностей. Он как-то странно, не отрываясь, смотрел на мадемуазель Жессика все время, пока она танцевала. Все это между нами, не правда ли? Уходя, он отозвал меня в сторону и весьма сухо заметил, что такого рода спектакли вряд ли способны поднять нравственный уровень прибывающих.

– Чтобы успокоить его, – сказал, смеясь, Леопольд, – вам только стоит ему процитировать приказ от февраля 1921 года, в котором его дорогим сэром Гербертом разрешено открытие по всей Палестине домов терпимости – вещь до сих пор невиданная на земле наших предков.

– Спасибо за сравнение, – сказала Агарь.

– Мое заведение не луна-парк, – запротестовал и Дивизио.

– Да совсем не это хотел я сказать, – произнес Леопольд, одновременно смеясь и кашляя. – Просто если дозволено большее, то дозволено и меньшее.

– Противный, маленький человек, – заметила Агарь. – Если он вернется сюда, я уж постараюсь...

– Дитя мое... – забеспокоился Дивизио.

– Будьте спокойны, – вставил пианист. – Вы его больше не увидите. Не его стихия кабаре. И если он перешагнул порог вашего заведения, то ему, уж, верно, очень хотелось удержать меня. Я даже немного горжусь этим. Нужно признать, что он отнюдь не глупец. Если бы все обладали его верой, его умом и упорством, может быть, и удалось бы кое-что сделать в этой грязной стране.

– Он здесь почти столько же времени, что и я, – сказал Дивизио.

– Он приехал сюда двадцатипятилетним юношей. Теперь ему должно быть около сорока. Он покинул Палестину только во время войны, и то для того, чтобы меньше чем через год вернуться в английской форме. В первый раз, году в 1905-м, его послал сюда барон для ревизии отчетов колонии Ришон-Цион.

– Барон? – удивилась Агарь.

– Вы, – пожал плечами Леопольд, – еврейка и никогда ничего не слышали о бароне Эдмонде Ротшильде?

– Кохбас лично знал барона Эдмонда Ротшильда? – с почтительным страхом спросил Дивизио.

– Он в течение пяти лет был одним из его секретарей в Париже. Барон послал его сюда. Исаак Кохбас здесь остался. Барон, очень его ценивший, сделал все, чтобы его вернуть. Но Кохбас ни о чем слышать не хотел и сказал, что напрасны все попытки восстановить храм, если они не перенесены на землю Авраама, Исаака и Иакова.

Жестокий приступ кашля перебил речь Грюнберга.

– Довольно болтовни. Вот уже снова поднимается туман. Пора на покой. Я предпочитаю не издыхать здесь, если бы даже пришлось лишиться радости Воскресения в отмеченный про-роками день на Земле Иерусалимской.

Через неделю «Тексас» снялся с якоря, увозя в неведомое Леопольда Грюнберга. За короткое время Агарь подружилась с ним. Ей тяжела была разлука, тем более что она лишь усиливала ее одиночество в городе, с которым ей, казалось, никогда не свыкнуться. Немного утешило ее письмо Самплетри: он надеялся к концу ее дебюта в Каиффе достать ей место в Александрии. Агарь разрушила все иллюзии Дивизио, твердо решив через три недели его покинуть. Последний горестно покачал головой.

– Вы, однако, пользовались таким успехом, – сказал он. – Никак не пойму, почему люди не задерживаются в этой стране.

Леопольда Грюнберга вскоре заменил молодой еврей из России по имени Самуил Лодзь.

Он тоже порвал со своей колонией, расположенной на западном берегу Тибериадского озера. Но поскольку не было консула, на которого он мог сослаться, он не получил паспорта и тоскливо прозябал в Каиффе. Он превозносил свое якобы тонкое музыкальное образование и не скрывал досады, в которую его повергала работа у Дивизио.

В день отъезда Леопольда Грюнберга, явившегося в то же время днем дебюта Самуила Лодзя, Агарь начала танцевать только около десяти часов.

Первый, кого она заметила в зале, был Исаак Кохбас.

«Он хочет вернуть в колонию нового пианиста», – сказала она себе, чтобы рассеять непонятную, овладевшую ею тревогу.

Все время, пока она танцевала, на нее с невыносимым постоянством были устремлены черные очки.

Около полуночи Самуил Лодзь свернул свои ноты и ушел.

Кохбас, казалось, этого даже не заметил.

«Ага, он остается, – подумала Агарь. – Тем лучше. Я, по крайней мере, сумею высказать ему все то, что накипело у меня на сердце».

Она еще не могла успокоиться при мысли о том замечании, которое он неделю назад сделал Дивизио.

Неожиданно к ней подошел лакей:

– Мадемуазель Жессика, какой-то господин приглашает вас к своему столу что-нибудь откусать.

– Какой?

– Вон тот, у балюстрады, в черных очках.

– А! Вот как!...

Через мгновение Агарь стояла перед маленьким горбатым человеком, пристально на него глядя.

Он сидел, опершись локтем о стол, и даже не шевельнулся при ее приближении.

На ней было синее с золотом платье, оставлявшее обнаженными плечи и шею.

Она никак не могла привыкнуть к ошупывавшим ее тело взглядам и внутренне содрогалась, чувствуя их на себе.

– Вы звали меня? – спросила она как можно более почтительно.

– Да, – ответил он нежным, почти музыкальным голосом и повторил свое приглашение.

– Мое ремесло – соглашаться, – заметила она.

– Что вы желаете?

– Если можно, шампанского.

Она хотела грубостью замаскировать свое волнение.

– Может быть, что-нибудь другое. У меня нет средств, чтобы предложить вам шампанское, – ответил он с величайшим спокойствием.

Сказав это, он снял очки. Агарь стояла, как зачарованная. Она увидела глаза Исаака Кохбаса. Близорукие, но бархатистые, черные, полные грусти и чудесной глубины. Это некрасивое лицо осветилось чем-то светлым и вдохновенным. Танцовщица все еще стояла, не в силах понять, что с ней происходит.

– Садитесь, прошу вас.

Она машинально повиновалась.

– Вы пришли поговорить с Самуилом Лодзем? – спросила она, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Лодзем? Кто это такой?

– Новый пианист. Он так же, как и Грюнберг, покинул свою колонию. Я думала...

Он отрицательно покачал головой.

– Вы ошиблись. Не ради Лодзя я пришел сюда. – И прибавил, ясно выговаривая каждое слово: – Я пришел ради вас.

– Ради меня, – сказала она, силясь засмеяться. – Ради меня! И вы не боялись, переступая этот порог, не боялись за вашу нравственность?

– Я был бы достоин сожаления, если бы меня было так легко соблазнить, – тихо произнес он.

Агарь закусил губы.

– Вы плохо поняли переданные вам слова. Не за себя я боюсь.

– За кого же?

– За других, за моих братьев, за тех, кто по жизни идет нетвердым шагом. Нет, не так. И не о них я думал. Я думал о творении, о творении, которому они служат и от которого не должны отвернуться даже на мгновение...

– О каком творении?

Он не сразу ответил. В глазах его появилось сожаление, вызвавшее у Агари сразу и страх и злобу.

– Вы ведь еврейка, – сказал он наконец.

– А вам какое дело?

– Еврейка! Неужели вы никогда не думали о том, что у вас есть долг перед вашими братьями, перед вашим народом?

Она горько усмехнулась:

– Долг, у меня? Вы меня смешите. А они, мои братья, как вы их называете, разве хоть раз подумали обо мне, когда я была маленькой? Моя мать тоже была еврейкой. Она умерла от голода. Однако тогда, когда это случилось, в Константинополе не было недостатка в богатых евреях.

– Неужели, – сказала он грустно, – неужели никогда в вашем горе ни один из наших не протянул вам руку помощи?

Она мгновение колебалась. Она вспомнила бедную семью в Галате, куда ее маленькой приняли и где она впервые увидела дивную, обернутую в шелк и золото Тору... Но она злобе пожертвовала это воспоминание.

– Никогда, – горько сказала она, – никогда. О да, позднее, когда меня находили красивой, когда меня желали...

Она рассчитывала, что это слово наконец выведет его из начинавшего ее раздражать упорного спокойствия. Но она обманулась в своих ожиданиях.

– Становится холодно, – сказал он. – Накиньте на плечи ваш шарф. Так вы, по крайней мере, не простудитесь. – И голосом все более мягким и нежным продолжал: – Вы были несчастны. Я понимаю. Не думаете ли вы, что меня это удивляет? Наш народ рассеян, разбросан. Это великое горе, ибо те, кто хочет прийти на помощь, не знают, где их искать. Но скоро этого не будет. В тот день, когда все изгнанные, все преследуемые соберутся сюда.

– А в ожидании те, которые пришли сюда, уходят, – заметила она.

В глазах его отразилось столько боли, что она пожалела о сказанном.

– Говорил с вами Грюнберг? – спросил он.

– Да.

– Что он вам сказал?

– Что их обманули – его и других, что страна, в которую их привезли, оказалась полем камней.

Он покачал головой.

– Камней еще достаточно, это правда. Но их становится все меньше и меньше. Мы их убираем, и на их месте растет мирный хлеб... Вот увидите.

– Что же я увижу?

Она дважды повторила этот вопрос. Но он, казалось, ее не слышал.

Он надел очки и маленькими глотками допивал свое пиво.

Теперь, лишенный очарования своего дивного взгляда, он опять превратился в жалкого, кривоногого уродца, одетого в несуразный серый костюм, лишь подчеркивающий его нелепо торчащие худые ноги и костлявые, точно у чахоточного, сплошь покрытые веснушками руки.

Агарь уже не понимала, как такое убогое существо могло в ней вызвать другое чувство, кроме жалости, которой сейчас переполнялось ее сердце.

Обернувшись, она вдруг заметила заговорщически подмигивавшего ей Дивизио.

На другом конце зала, вокруг стола, покрытого специально на этот случай белой скатертью, сидело несколько элегантных молодых людей – золотая молодежь Каиффы.

Лакей расставлял бокалы вокруг наполненного льдом ведерка, откуда торчали горлышки двух бутылок шампанского.

Агарь сделала им знак, что идет.

– Простите, я должна вас покинуть, – сказала она Исааку Кохбасу.

Он точно очнулся от забытья:

– Меня покинуть? Вы уходите?

– Да. Меня ждут.

Он протянул дрожащую руку, как будто желая удержать ее.

– Пойдемте со мной, – произнес он каким-то потусторонним голосом.

– Куда? – спросила она, отступая.

– Туда, где был Леопольд Грюнберг, где нахожусь я, где наши братья.

– Ну уж выдумали, – засмеялась она, вставая. – Пойду к этим господам. Я условилась с ними. Идите лучше домой. Доброй ночи.

Он тоже встал. В руке у него была коричневая фетровая шляпа. Агарь видела, что его колени стучат друг о друга.

– Я вернусь, – сказал он.

– Как хотите.

Когда около трех часов утра, к самому закрытию кафе, Агарь осталась одна с Дивизио, он заметил ей с чуть беспокойной улыбкой:

– Что же, была у вас беседа с Кохбасом? Удалось ему обратить вас в свою веру?

– О! Вот еще! – засмеялась она и сделала непристойный жест, как бы желая подчеркнуть невероятность такого предположения.

Спустя несколько дней Агарь в час аперитива болтала с несколькими знатными посетителями кафе. Среди них были ливанский адвокат Туфик, зажиточный каиффский купец Луззано и директор местного эмигрантского агентства какой-то пароходной компании Монтана.

– «Канада» на широте Крита выдержала сильную бурю, – сказал Монтана, говоря о пришедшем после полудня пароходе, принадлежавшем его компании.

– Много он привез колонистов?

– Двенадцать, в то время как в прошлом году в этот же месяц было более пятидесяти. Дела сионизма не слишком блестящи.

– Только двенадцать! А мне казалось, что зарегистрировано было двадцать пять, – сказал Туфик, бывший юрисконсульт компании.

– Да, но остальные исчезли по дороге. Они, должно быть, решили, что так будет лучше. Исаак Кохбас сильно разволновался, когда узнал об этом. И чуть ли не сцену мне устроил, будто я виноват!

– Он в Каиффе? – спросила Агарь.

– Да. Он приезжает из Наплузы каждый раз, когда пароход привозит колонистов.

– Он, может быть, будет здесь сегодня вечером?

– Ну, в этом я сомневаюсь, красавица. Он не из завсегдатаев кафе.

– Он был здесь всего два раза, – заметил Павел Трумбетта, один из наиболее ярых поклонников Агари, – и именно после того, как ты приехала. Он, я заметил, ухаживает за тобой.

– Ты ничего не понимаешь, – возразил Петр Стефаниди, очень красивый мальчик. – Она в него влюблена.

– Вы оба идиоты, – сказала Агарь. – В прошлый раз он первый меня пригласил. Опередите его сегодня и увидите, сделаю ли я хоть шаг по направлению к его столу, если, конечно, за вашим будет шампанское.

– Браво, – закричали они, – согласны!

Вечером, как Агарь и предвидела, Кохбас сидел на своем месте, за тем же столом.

Она танцевала, как и в прошлый раз, и как в прошлый раз к ней подошел лакей.

– Мадемуазель Жессика, господин в очках просит вас к своему столу.

– Скажи ему, что я приглашена на весь вечер, – ответила она и пошла к расшумевшимся от приличного количества уже опустошенных бутылок молодым людям.

Принесли еще шампанского, и возобновилась оргия. Кохбас неподвижно сидел за своим столом. Казалось, что веки за черными стеклами сомкнулись.

– Никогда еще Жессика не была такой веселой, – заметил пивший из бокала танцовщицы молодой Трумбетта.

– Посмотрите на ее любовника, – сказал Петр Стефаниди. – Вот так гадкая обезьяна.

Он прижал к себе Агарь, губами прикасаясь к ее шее, плечам и груди.

– Ого! Ого! – закричали остальные.

Но она не оттолкнула его.

К часу суматоха и количество пустых бутылок только увеличились. Исаак Кохбас все еще не уходил.

Пользуясь невниманием своих совсем опьяневших обожателей, Агарь на несколько секунд скрылась. Входя в зал, она на пороге нос к носу столкнулась с Кохбасом.

Он взял ее за руки, и она услышала его глухое бормотание.

– Не стыдно вам?

– Что? – надменно спросила она.

– Я повторяю, не стыдно вам?

– Да пустите меня!

Но так как он только крепче сжимал ее руки, она совсем вышла из себя.

– Не стыдно ли мне? О! Я отлично понимаю! Ваша гордость уязвлена при виде дочери народа избранного в объятиях изгоев. Если тебе это не нравится, знаешь, цена для всех одна! Вот так, чудак! Да пустите вы меня!

Последнюю фразу она почти прокричала.

Все сидевшие на террасе обернулись. Посыпались замечания и протесты.

Исаак Кохбас покачнулся. Он, казалось, колебался, потом вдруг яростно оттолкнул Агарь и исчез во мраке улицы.

На следующий день, после мучительной бессонной ночи Агарь к часу аперитива пришла в кафе. На террасе еще никого не было за исключением Исаака Кохбаса, сидевшего все за тем же столом.

Он подошел к ней.

– Я должен извиниться перед вами, – сказал он. – Посидите со мной минуту, чтобы доказать мне, что вы на меня не сердитесь.

Она повиновалась, смущенная, сконфуженная.

– Скажите, что вы простили меня.

– Мне тоже надо извиниться, – пробормотала она, – я слишком много выпила.

– Мы оба достойны жалости.

Они замолчали. Страшно взволнованная, Агарь машинально вертела соломинку в налитом ей лакеем лимонаде.

– Вы уезжаете? – сказала она наконец.

– Завтра утром. Следующий пароход с эмигрантами прибывает шестого апреля. Вы третьего апреля возвращаетесь в Египет, через десять дней, не так ли?

– Да.

– Мы, значит, больше не увидимся.

Она ничего не ответила.

– Слушайте, – сказал он, – слушайте. – Его чудесный музыкальный голос будто сломался. – Если я вас о чем-то попрошу, сделаете вы это для меня?

– Что?

– Вам сказали много дурного о нашем творении. Я хочу, чтобы вы увидели, что вам солгали, что мы не обманываем наших братьев и что сами не обманываемся. Вы вернетесь к вашей жизни, направляя свои стопы туда, куда укажет вам ваша судьба. Пусть ваше свидетельство и не принесет нам пользы, но не нужно, чтобы оно причинило нам вред.

– Что же для этого надо?

– Завтра в полдень я уезжаю на автомобиле. Вы свободны до пяти часов, не правда ли? Так вот, проводите меня. О! Не очень далеко. Всего каких-нибудь тридцать пять километров. Этого достаточно, чтобы дать вам понять, как мы идем к нашей цели. Я поеду дальше, а вы в том же автомобиле вернетесь в Каиффу. Скажите же, что вы согласны.

– Согласна.

Он с волнением взял ее за руки.

– Мадемуазель Жессика... – начал он.

– Не называйте меня так, – произнесла она глухим голосом. – Это не мое имя. Меня зовут Агарь, Агарь Мозес.

IV

Вернувшись домой, Агарь большую часть ночи провела за починкой старого дорожного костюма, который она долго носила и думала уже бросить.

В полдень, придя на условленное место, площадь перед вокзалом, она встретила с Кохбасом. Лицо ее закрывала густая вуаль.

Исаак Кохбас о чем-то спорил с окружавшими его, сильно жестикулировавшими женщинами и мужчинами.

Завидев Агарь, он поспешно пошел ей навстречу.

– Благодарю вас. До последней минуты я боялся, что вам что-нибудь помешает, что вы не придете, – сказал он.

– Я ведь обещала.

– Простите, вам придется четверть часа подождать. Нужно выполнить несколько формальностей, касающихся паспортов. Вечно одно и то же: вместо того чтобы устранить такого рода трудности, их, наоборот, создают. Каиффа, видите ли, пока нейтральная зона. Мы здесь еще не совсем дома.

Он говорил со странным оживлением; улыбка освещала его худое лицо. Казалось, он был счастлив.

Агарь уселась на скамейку у самого входа в дом, где находился контрольный пункт.

Оттуда ей очень удобно было наблюдать за вновь прибывшими колонистами.

Сойдя накануне с парохода, они готовились после тщательной проверки бумаг к посадке в автобус, который развезет их по колониям. Колонистов было одиннадцать: восемь мужчин и три женщины. Мужчин нельзя было принять ни за рабочих, ни за крестьян. Их одежда говорила о претенциозности бедняков, которая пользуется таким успехом у посетителей некоторых монпарнасских кафе. Только на одном из них был черный классический кафтан и круглая шапка, кроме того он носил длинные пейсы. Остальные, очевидно, держались от него в стороне, женщины с коротко остриженными волосами и красивыми, правильными, отмеченными страданием и насмешкой лицами напоминали анархисток.

Одетые в жалкие лохмотья, они с недоброжелательством поглядывали на Агарь.

Наконец, покончив с формальностями, колонисты расселись на двух противоположных скамейках автобуса: шесть по одну сторону, пять – по другую. Свой убогий багаж они сунули себе под ноги.

Исаак Кохбас отдал по-английски несколько приказаний шоферу, и тяжелая машина тронулась.

Со вздохом облегчения Кохбас вернулся к Агари.

– Вы слишком много трудитесь, – заметила последняя.

– О! – возразил он. – Мне хотелось бы большего!

Гудок приближавшегося маленького автомобиля прервал его.

– Вот и машина нас предупреждает, что время не ждет, – улыбнулся он. – Она вас и привезет обратно часа через четыре. Садитесь, пожалуйста.

Вид открывался великолепный.

Вершины Кармеля, поросшие травой, к югу совсем закрывали небесную лазурь. К западу, насколько хватало глаз, тянулись поля, зеленеющие луга, точно поясом окруженные синим морем и цепью Сирийских гор.

– Saint Jean d'Acce, – указал Исаак на исчезающий вдаль с быстротой миража белый город.

Автомобиль то и дело перегонял караваны верблюдов и наполненные строительными материалами грузовики. Недалеко от дороги, среди густой травы, величаво прогуливались аисты.

Агарь подняла вуаль. Свежий, наполненный солнцем воздух поверг ее в сладостное оцепенение. Радостный вздох вырвался из ее груди. Исаак Кохбас ликовал.

Палестина! Понятие это ошеломило ее: точно впервые за все время пребывания в Каиффе она осознала его.

Лопнула шина. Пришлось выйти из автомобиля.

Агарь сняла перчатку, взяла горсть земли и задумчиво рассыпала ее.

Исаак Кохбас, точно в экстазе, следил за ней.

– О чем вы думаете? – пробормотал он.

Но ей не нужно было отвечать, чтобы он понял, о чем она думает.

Сменив шину, они поехали дальше. Теперь автомобиль поднимался по склону маленькой цепи гор, закрывающих с востока Акрскую долину. Все более сильными становились толчки. Агарь и Исаак Кохбас чуть не падали друг на друга и всякий раз со смущенной усмешкой садились на свои места. Оба молчали.

Наконец Агарь спросила:

– Давно вы в Палестине?

– Пятнадцать лет. Я могу вам рассказать о моей жизни, не испытывая никакого стыда, ибо вся она уже в течение двадцати лет неразрывно связана с творением, которому я себя посвятил. Вы родились в Константинополе?

– Да.

– Моя родина Париж.

– Париж! – задумчиво пробормотала Агарь, и ее глаза загорелись.

– Да, Париж. Отец отдал меня в лицей. Но он разорился и умер, прежде чем я его закончил. А жить было нужно.

Мне не стыдно рассказать вам о том, что я тогда сделал, ибо, унижая себя, я восхваляю того, кто спас меня; к тому же радость наполняет меня при мысли, что вы узнаете, что и я в детстве был несчастным, очень несчастным. Был у меня в лицее соученик очень богатый, но страшно неспособный. Он предложил мне тысячу франков, чтобы на выпускных экзаменах я сдал за него риторику. Ему выдали свидетельство, а я таким образом получил возможность заплатить за право учения и самому сдать экзамены.

Ободренные успехом, мы в следующем полугодии решили сделать то же самое с философией. На этот раз меня поймали. И тогда спас меня от тюрьмы и нужды человек, которого я должен вечно благословлять.

– Да, я знаю, – сказала Агарь. – Барон.

– Вам говорили о нем?

– Да, в связи с вами.

Взором, полным неизбежной благодарности, он посмотрел на нее. Мысль, что она думала о нем, что упомянула его имя в своих речах, казалось, была непостижима для Кохбаса. И до той минуты, когда маленький автомобиль остановился на вершине крутого холма, Исаак не сказал ни слова.

– Смотрите, – произнес он наконец.

У ног их расстилалась восхитительная долина, богатая, плодородная и так же возделанная, как лучшие европейские поля. До самого горизонта с цепью синеющих гор волновалась зеленая нива, там и сям разделенная на большие прямоугольники – от темно-коричневых до светло-желтых.

Это были недавно засеянные поля. Кое-где к небу поднимался серый дым от домов новых колоний. Смутно различались строения и симметричные улицы.

Крохотный поезд пересек огромную долину, остановился у станции с красной крышей и потом продолжил свой путь.

Долго-долго свисток его доносился до Агари и Исаака Кохбаса.

Они вышли из автомобиля и уселись на краю обрыва.

– Побудем здесь немного, – предложила она.

Внизу дивная палестинская весна раскинула сказочные, сотканые из цветов ковры. Волшебным узором переплетались васильки, анемоны, цикламены и разноцветные маргаритки.

– Как называется эта долина? – спросила Агарь.

– Долина Жизреель.

Ее брови нахмурились. Это название вызвало в памяти те далекие времена, когда она, еще маленькая девочка, так любила чудесные предания Торы. Но вполне понятно, что последующие события стерли воспоминание об Эсфири и Далиле.

Кохбас, с волнением следивший за пробежавшими по ее лицу тенями, пришел ей на помощь.

– Lis reell, – пробормотал он, – вспомните. Jesabe, выброшенная из окна своего дворца. Jehu, копытами своих коней топчущий труп старой царицы.

– Кажется, я начинаю вспоминать, – сказала она. – Назовите мне еще несколько мест. Что за город там налево?

И она указала на приткнувшиеся на уступе горы серые дома, вокруг которых, словно стражи, стояли кипарисы.

– Это Назарет, – сказал Кохбас. – Назарет, где родился один из тех людей, которые наиболее содействовали вечной славе Израиля. Вы удивлены, что я так говорю об Иисусе, в то время как наши братья-ортодоксы видят в нем злейшего из наших врагов, источник всех несчастий, две тысячи лет терзающих наш народ. Это старый взгляд. Мы освободились от влияния клерикалов, чуть было не повергших Израиль в безмолвие могилы. Как жаль, что я не могу вам прочесть ту страницу, где наш великий писатель излагает свое отношение к светлому галилейскому Пророку. «В нем сконцентрировалось все хорошее, все таинственное и прекрасное Израиля»...

Он все более возбуждался, но неожиданно замолк.

Агарь отвернулась от города с чернеющими кипарисами и глядела на одинокую, напоминающую огромную серую пирамиду гору.

– Гора Табор, – пояснил он. – Дальше за ней Ендор. Вспомните, Ендор, Сивиллу, к которой пришел Саул накануне той битвы, когда он должен был пасть. А маленькая деревня к югу – Солон, родина бедной девочки, пожертвовавшей собой, чтобы согреть старость священного царя.

– Абизаг, – прошептала Агарь, – да, я вспоминаю.

– А! – почти в экстазе воскликнул Исаак. – Я знал, что наша земля, наша старая земля позовет вас! Я знал, что вы узнаете ее и что она вернет вас нам.

Преждевременно возвестив о победе, можно все разрушить.

Агарь, съжившись, посмотрела на часы.

– В ожидании этого, – сухо произнесла она, – не забыть бы нам, что скоро три часа и что я должна быть в Каифе.

Она опоздала к Дивизио. Нужно было сначала пойти к себе переодеться и положить грим.

– Штраф! – хором закричали при ее появлении Стефаниди, Трумбетта и другие. – Откуда, красавица?

– С прогулки по окрестностям. Я прошу вас не терзать меня вашим ревом. У меня мигрень.

– В самом деле? – жалобно произнес Трумбетта. – Нельзя сказать, чтобы деревенский воздух сделал ее любезной!

Последняя неделя прошла без всяких происшествий.

В субботу Дивизио, отозвав Агарь в сторону, сообщил ей, что пишет письмо Сампиестри.

– Передайте ему привет, – попросила она.

– Да только из-за вас я и пишу ему. Нужно, чтобы кто-нибудь заменил вас, если, конечно, вы не хотите больше оставаться. Вас здесь так полюбили! Я так доволен вами!

– Благодарю вас, Дивизио, но я должна уехать.

– Если это из-за того, – сказал он, почесывая голову, – что вы в Египте нашли более доходное место, то мы могли бы как-нибудь сговориться. Я с удовольствием прибавил бы вам еще пол-лиры в день.

– Вы очень любезны, – возразила она. – Но что решено, то решено. Я уезжаю.

Второго апреля, в вечер последнего выступления Агари, завсегдатаи кафе Дивизио опорожнили в ее честь сорок бутылок шампанского – количество в Каифе еще невиданное.

– Все ее поклонники сегодня здесь, – взволнованно сказал маленький Стефаниди.

– Нет, не все, – поправил его всегда ироничный Трумбетта. – Не хватает одного: маленькой гадкой обезьянки в черных очках.

– Господин Кохбас, – вставил директор эмиграционного общества, – будет здесь шестого, чтобы принять прибывающих следующим пароходом колонистов.

– Плачь, прекрасная Жессика, – сказал Петр Стефаниди. – Ты больше не увидишь своего возлюбленного. Кстати, ты едешь пароходом или поездом? Мы все собираемся провожать тебя.

– Ради Бога, увольте, – ужаснулась она. – Меня всегда пугали шумные проводы.

Шестого апреля, ровно через четыре дня после отъезда Агари, посетители кафе Дивизио около одиннадцати часов заметили вошедшего Кохбаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.